

Глава 4

Нарва

Как гласил указ, царь начал войну со Швецией, чтобы вернуть Ижорские и Карельские земли. Ижорская земля, или Ингрия, представляла собой сравнительно узкую полосу суши, протянувшуюся на семьдесят пять миль вдоль южного побережья Финского залива от Невской губы до Нарвы. Карелия – значительно больший по площади лесной и озерный край, пролежавший между заливом и Ладожским озером и на западе простиравшийся до Выборга. Возвращение обеих провинций, утраченных Россией во время Смуты, открыло бы для Петра столь необходимый выход к Балтийскому морю.

Нарва, прибрежный город и крепость в Эстонии у границ Ингрии, в первоначальных военных планах Петра не фигурировала. Она находилась на территории, которую Паткуль и Август намеревались присоединить к Польше. Но Петр понимал, что если бы он овладел Нарвой, это было бы самым надежным способом сохранить за собой Ингрию. Когда он рассматривал карты этой местности, ему представлялось, что удар по Нарве не вызовет больших затруднений: рурская граница находилась на расстоянии всего лишь двадцати миль к юго-востоку от города – расстоянии, которое можно было преодолеть одним броском.

И Паткуль, и представитель Августа в Москве барон Ланген не были в восторге от решения Петра. Им вовсе не улыбалось, что шведов в Эстонии сменят русские, хотя в данный момент русские и были их союзниками. Барон Ланген докладывал Паткулю: «Я с помощью датского посланника сделал все возможное, чтобы отговорить его [царя] от этого решения. Но он оказался настолько непреклонен, что мы поостереглись затрагивать такой деликатный вопрос и должны довольствоваться разрывом царя со шведами и надеждой на то, что со временем Нарва окажется в наших руках». Паткуля тревожило, что, овладев Нарвой, Петр двинется дальше по балтийскому побережью и займет всю Ливонию, причем Август будет бессилён этому помешать. Но делать было нечего: царь уже принял решение²¹.

К середине сентября 1700 года новгородский воевода, князь Трубецкой, получил приказ выступить к Нарве с передовым отрядом в 8000 человек и блокировать город. Командование основными силами было возложено на Федора Головина. Ему доводилось служить и послом, и адмиралом, и главой иностранного ведомства, а теперь он сподобился стать фельдмаршалом. Армия, находившаяся под общим началом Головина, состояла из трех отдельных корпусов, которыми командовали Автомон Головин, Адам Вейде и Аникита Репнин. Общая численность армии превышала 63 000 человек, но силы были рассредоточены на большом расстоянии. В то время как войска Трубецкого медленно продвигались к Нарве, корпус Репнина еще только формировался на Волге, в тысяче верст от театра военных действий. К 4 октября 1700 года 35 000 русских солдат рыли траншеи вокруг города; туда же прибыл Петр, чтобы лично наблюдать за ходом осады. Он ждал только, когда подвезут порох и ядра и можно будет отдать приказ о начале обстрела.

Город Нарва, построенный датчанами в XIII веке, был процветающим торговым портом во времена Ганзейского союза, да и в петровское время через Нарву шла львиная доля российских товаров из Пскова и Новгорода. Нарва была похожа на многие другие прибалтийско-германские города: такие же кирпичные дома с остроконечными крышами и тонкие шпили лютеранских церквей над тенистыми улочками. Нарва расположена на западном берегу Наровы, на образованном излучиной реки полуострове. С трех сторон город окружен водой, но близость к русской границе заставила возвести мощные оборонительные укрепления. Город окружали высокие каменные стены с бастионами. А напротив – стоило перейти каменный мост над Наровой – высилась могучая Ивангородская крепость, построенная русскими в 1492 году, когда граница проходила по реке. В то время Ивангород

²¹ Обстоятельства начала войны изложены неточно. Петр I намеревался занять Ингрию и Карелию, но по просьбе Августа II начал наступать на Нарву, чтобы оттянуть часть шведских войск на себя и облегчить саксонцам осаду Риги. – *Примеч. ред.*

должен был служить для устрашения жителей Нарвы, но теперь и город, и крепость были превращены в единую оборонительную систему. Гарнизон насчитывал 1300 человек пехоты, 200 человек кавалерии и 400 человек гражданского ополчения.

Под руководством генерал-лейтенанта Людвиг фон Галларта, саксонского инженера, присланного Августом в помощь Петру, русские возвели осадные сооружения напротив западных земляных валов Нарвы. Они перекрыли единственную дорогу, по которой в город могло подойти подкрепление, и насыпали двойной вал, отрезавший подступы к городу с запада и одновременно защищавший позиции осаждавших от возможного нападения с тыла. Со временем этот вал превратился в мощную цепь земляных укреплений (четыре мили длиной и девять футов высотой), перед которыми тянулся глубокий ров.

Но осада продвигалась не так быстро, как надеялся Петр. Хотя Нарва и находилась всего в двадцати милях от русской границы, до ближайших русских городов – Новгорода и Пскова – было больше ста миль. Раскисшие под осенним дождем дороги превратились в трясину, в которой намертво вязли подводы с припасами. Ломались телеги, надрывались кони, а осаждавшим остро не хватало артиллерийских снарядов. Головин делал все, что было в его силах, чтобы подтянуть войска как можно скорее, – ему пришлось даже конфисковать лошадей и повозки у местного населения; но только к концу октября большая часть армии прибыла на позиции.

4 ноября русская артиллерия начала обстрел города. В то же время Шереметеву с отрядом в 5000 человек было поручено следить за возможным появлением шведского подкрепления с запада. Две недели русские орудия вели огонь по стенам и башням Нарвы без особого успеха: орудийные лафеты были то ли плохо сделаны, то ли повредились при перевозке, но только многие из них развалились на куски после трех-четырех выстрелов. Два приступа русской пехоты к Ивангороду были легко отбиты. 17 ноября артиллерийских боеприпасов осталось всего на несколько дней и огонь прекратили до прибытия новых обозов. В это время в лагерь Петра поступило два тревожных сообщения: король Август снял осаду Риги и отступил на зимние квартиры, а король Карл XII со своей армией высадился на балтийском побережье в районе Пернау²² в 150 милях к юго-западу от Нарвы.

* * *

Сразу после подписания Травендальского мира шведы незамедлительно вывели войска с острова Зеландия: огромные корабли англо-голландской эскадры уже готовились к отплытию, и шведским военачальникам вовсе не хотелось, чтобы их войска задерживались на датском острове после ухода союзников. Конечно, датчане подписали мир, но кто знает, что им придет в голову, если немногочисленный шведский экспедиционный корпус останется без прикрытия на чужой стороне пролива. К тому же король хотел как можно скорее перебросить войска, чтобы до начала зимы успеть использовать их еще в одной кампании. К 24 августа последний шведский солдат благополучно сошел на берег в южной Швеции. В конце августа и в начале сентября Карл и слышать не хотел о каких бы то ни было мирных предложениях, думая лишь о выборе плацдарма для нанесения контрудара по войскам Августа. Предполагалось, что армия отплывет в Ливонию, чтобы снять осаду с Риги и изгнать из провинции саксонские войска. Но тут стали доходить известия о том, будто царь Петр стягивает к границе с Ингрией такие силы, что сомневаться в его намерениях начать войну не приходится. И действительно, ближе к концу сентября Карл получил от Петра послание с объявлением войны, а заодно подоспело сообщение о том, что русские войска пересекли границу и появились перед шведской крепостью Нарвой.

Шведы решили двинуться в Ливонию. Эта область подвергалась нападению сразу двух противников – Августа и Петра, и две важнейшие шведские твердыни, Нарва и Рига, оказались в опасности. Единственной заботой короля стало успеть провести экспедицию до

²² Ныне г. Пярну. – *Примеч. ред.*

того, как ветры и льды сделают плавание по Балтике невозможным. В письме, отправленном из шведской ставки, один из офицеров писал: «Король решил отправиться в Ливонию. Он отказывается встречаться с французским и бранденбургским посланниками, чтобы они не могли передать ему мирные предложения. Он намерен во что бы то ни стало сразиться с королем Августом и досадует на все, что, по его мнению, может этому воспрепятствовать».

1 октября Карл, презрев все предупреждения об опасности осенних штормов на Балтике, отплыл из Карлскруны в Ливонию. Хотя корабли были до отказа переполнены солдатами, транспортные суда смогли переправить за один раз только 5000 человек. На третий день плавания, когда флот находился в открытом море, как и следовало ожидать, разразился шторм и разметал корабли по морским просторам. Некоторые суда стали на якорь и благополучно пережили бурю возле Курляндского берега, другие же дали течь и погибли. Волны нещадно мотали корабли вверх и вниз, немало кавалерийских коней было покалечено, а Карла одолевала сильнейшая морская болезнь.

6 октября изрядно потрепанный и поредевший шведский флот вошел в гавань порта Пернау в Рижском заливе. На причале короля приветствовали бургомистр и члены городского совета, а когда он следовал по мощеным булыжными улицам к своей временной резиденции, почетный караул салютовал ему мушкетным огнем. Как только удалось исправить повреждения, причиненные штормом, суда вновь были отправлены в Швецию, чтобы доставить еще 4000 человек, лошадей и оставшуюся артиллерию. В Пернау Карл узнал, что Август снял осаду Риги, приостановил военные действия и отвел войска на зимние квартиры. Ранее, в середине июля, польский король лично присоединился к осаде во главе 17-тысячной саксонской армии. Но известие о Травендальском мире – о неожиданном поражении Дании, еще недавно столь воинственного союзника Августа, удивило и обескуражило короля. Поэтому, узнав о готовящейся высадке шведского десанта в Ливонии, он благоразумно отступил в ожидании дальнейшего развития событий. Карл воспринял это сообщение с горьким разочарованием. Он надеялся сразиться с Августом – он был настроен драться! Одна возможность повоевать у него в этой ситуации еще оставалась. Всего в 150 милях находилась русская армия царя Петра, осаждавшая Нарву. Карл принял незамедлительное решение: раз саксонцы не хотят сражаться, он сразится с русскими. Он выступит против царя и освободит Нарву.

Карл начал с того, что стал собирать воедино все силы, имевшиеся в его распоряжении. По оценке короля, вместе с солдатами, которые прибыли с ним, плывущим из Швеции подкреплением и освободившимися после отступления Августа войсками рижского гарнизона, к ноябрю можно было сосредоточить здесь 7000 пехоты и 8000 кавалерии. На протяжении пяти недель он усиленно готовил армию в Везенберге (Раквере), и все это время шведские кавалерийские разъезды вступали в мелкие стычки со всадниками Шереметева на ведущей к Нарве дороге.

В шведском лагере далеко не всех прельщала перспектива зимней кампании против русских. Многим офицерам Карла это предприятие представлялось чрезмерно опасным. Утверждали, что русская армия превосходит шведскую по численности в четыре раза, а по некоторым слухам, даже и в восемь; русские будут защищены своими осадными укреплениями, которые шведам, несмотря на меньшую численность, придется штурмовать; до Нарвы надо неделю добираться по опасным, размытым дорогам, по выжженной и разграбленной местности, форсировать три труднопреодолимые переправы, которые русские, несомненно, будут оборонять; среди солдат уже начали распространяться болезни, скоро многих недосчитаются в строю; к тому же зима на носу, а зимние квартиры не подготовлены.

Карл попросту отмел все эти доводы: они пришли воевать, и противник их ждет. Если шведская армия отступит и Нарва падет, русские войска заполнят Ингрию, Эстонию и Ливонию, и все восточные прибалтийские провинции будут потеряны. Энергия и уверенность короля передались некоторым офицерам и помогли поднять моральный дух войск. Все понимали, что ответственность за судьбу кампании, ее успех или провал, целиком

будет лежать на плечах восемнадцатилетнего монарха. Перед началом похода Реншильд заявил: «Если король добьется успеха, он будет единственным, кто сумел с честью одолеть такие препоны».

Экспедицию начали 13 ноября, не дожидаясь, пока из Ревеля прибудет ожидаемая тысяча кавалеристов. В колонны под сине-желтым флагом собрали всех, кто был способен встать в строй, – всего 10 537 человек. Как и предвидели, условия оказались ужасающими. Дороги были размыты осенними дождями, и солдатам приходилось идти по густой, липкой грязи и тут же устраиваться на ночлег. В опустевшем краю встречались лишь разоренные хутора, подожженные русскими конниками. Не было ни фуража для коней, ни провианта для солдат, кроме тех запасов, которые они несли в своих ранцах. На протяжении всего похода ни на день не прекращался холодный дождь, и люди промокли до костей. По ночам температура падала – дождь переходил в мокрый снег и земля замерзала. Карл спал вместе с солдатами под открытым небом – под снегом и дождем.

Приятным сюрпризом для шведской армии было то, что она не встретила почти никаких препятствий. Две или три переправы, попавшиеся по пути, войска форсировали без малейшего сопротивления. На четвертый день авангард шведской кавалерии подъехал к переправе через реку Пюхайыз, в восемнадцати милях к западу от Нарвы, где дорога шла вдоль реки через глубокую долину, окруженную крутыми холмами. На противоположном берегу шведов поджидали 5000 русских всадников под командованием Шереметева, но мост не был разрушен.

Карлу, который ехал в авангарде, доложили о присутствии Шереметева. Он приказал выдвинуть на передовую позицию восемь легких орудий. Затем во главе отряда драгун и части батальона гвардии – всего не более 400 человек – он ринулся в долину. Шведская конная артиллерия была скрыта от глаз русских скачущими драгунами, и за их спинами пушки незамеченными доставили к линии огня. Потом их неожиданно выкатили вперед и открыли огонь по скупившейся на противоположном берегу русской коннице. Русские были ошеломлены грохотом орудий, а поскольку своих пушек у них не было и они не могли открыть ответный огонь, всадники повернули коней и пустились наутек, оставив переправу без защиты. Впоследствии стало известно, что отход русских частей был не бегством, а заранее спланированным отступлением: Петр приказал Шереметеву не ввязываться в бой с основными силами шведской армии. Но в глазах изнуренных шведов атака их небольшого отряда, повлекшая за собой то, что казалось разгромом русских, выглядела победой и вызвала большое воодушевление. Переправа досталась шведам без крови, а могла бы стоить дорого, возмись русские ее защищать. Дорога на Нарву была свободна.

В этот вечер, как и прежде, промокшие под дождем и покрытые грязью шведы разбили лагерь на восточном берегу Пюхайыз. Из-за непролазной грязи многим солдатам пришлось провести ночь на ногах. На следующий день, 19-го числа, голодная и продрогшая армия подошла к разоренному поместью Лагена, в семи милях от Нарвы. Карл не знал, держится ли еще крепость, и приказал подать сигнал четырьмя орудийными выстрелами. Вскоре со стороны окруженной крепости донеслось четыре приглушенных ответных выстрела. Нарва оставалась в руках шведов.

* * *

Кавалерия Шереметева была послана на запад лишь для того, чтобы наблюдать за движением шведов, а не для того, чтобы ему препятствовать. Как только шведская армия выступила в поход на восток, Шереметев, следуя приказам, стал отходить, опустошая территорию, по которой проезжал, до самой Пюхайыз. Здесь русский полководец хотел остановиться и дать бой, полагая, что если переправу укрепить, ее можно будет легко отстоять и тем блокировать продвижение шведов к Нарве. Но Петр, который не очень хорошо представлял себе эту местность, не принял предложение Шереметева. По мнению Петра, переправа находилась слишком далеко от лагеря основных сил, и он не желал

разделять армию. Напротив, было принято решение укрепить подступы к русскому лагерю с суши, чтобы обороняться от наступающих шведских войск, и в то же время энергично продолжать осаду. В течение грядущего десятилетия Мальборо будет брать город за городом именно таким образом, вначале окружая город войсками, а затем огораживая их кольцом наружных укреплений, что позволяло отбивать атаки прибывающих на выручку армий и одновременно сдавливать город или крепость в кольце осады.

17 ноября Шереметев привел своих конников обратно в лагерь и сообщил, что шведы захватили Пюхайыз и следуют за ним по пятам. Петр созвал военный совет. Караулы были удвоены, солдатам раздали дополнительные комплекты боеприпасов, но ночь прошла спокойно. Вообще-то русские и не рассчитывали, что шведская армия с марша бросится в атаку. Скорее они полагали, что сражение состоится не скоро, и ожидали постепенного наращивания сил, рекогносцировок, мелких стычек и маневров.

В три часа, в ночь с 17 на 18 ноября, царь призвал к себе знатного дворянина родом из Испанских Нидерландов – герцога де Кроа, который находился при армии в качестве наблюдателя короля Августа, и предложил ему взять на себя командование. Петр вместе с Федором Головиным, который номинально числился главнокомандующим российской армией, тут же уехал в Новгород, чтобы ускорить прибытие пополнения, а заодно обсудить с королем Августом дальнейший ход войны. Петр хотел получить от Августа объяснения по поводу его отступления из-под Риги, вызвавшего недовольство царя и возбуждавшего его подозрения. По этой причине Петр и взял с собой Головина, который был не только главнокомандующим, но еще и заведовал иностранными делами.

Поговаривали, что отъезд Петра из армии за день до битвы под Нарвой – проявление трусости. Рассказни о том, как дрожащий от страха Петр при приближении Карла взвалил всю ответственность на беднягу де Кроа, присовокупляли к истории о ночном бегстве царя в Троицу, чтобы создать ему репутацию труса и паникера. Обвинение это несправедливо – как вообще, так и применительно к данному случаю. Петр не раз рисковал жизнью и на поле боя, и на палубе боевого корабля, и его никак нельзя обвинить в трусости. Все объяснялось очень просто: Петр был тем единственным в России человеком, на котором лежала вся полнота ответственности, и он отправился туда, где был нужнее. Привыкший к неспешной манере, в которой русские войска проводили военные операции, Петр полагал, что и шведы будут действовать с той же осмотрительностью. Никто не ждал, что армия, только что прибывшая после долгого изматывающего марша, немедленно бросится в атаку на противника, вчетверо превосходящего ее по численности и укрытого за широчайшим рвом и земляным валом, на котором установлено 140 орудий. В русском лагере не было никого, кто до конца представлял бы себе неукротимый нрав Карла XII.

Пострадавшим в этой ситуации оказался де Кроа. Карл Евгений, герцог де Кроа, барон, маркграф и князь Священной Римской империи, пятнадцать лет прослужил в императорской армии, сражаясь против турок, но был принужден уйти в отставку после того, как отступил под натиском огромной османской армии во главе с великим визирем. Он искал себе службу, и в 1698 году в Амстердаме предложил свои услуги Петру. Петр тогда не взял его на службу, и впоследствии де Кроа стал служить Августу. Август и отправил его к Петру, чтобы убедить царя послать 20 000 человек на осаду Риги вместо того, чтобы затевать собственную кампанию в Ингрии. Петр поступил по-своему, но оставил при себе де Кроа в качестве наблюдателя и советника.

И вот, совершенно неожиданно, де Кроа было предложено взять на себя командование. Возможно, прими Петр это решение двумя неделями раньше, оно оказалось бы верным, теперь же было слишком поздно. Де Кроа отговаривался тем, что не знает русского языка и почти не знаком с русскими офицерами и ему будет трудно отдавать приказы и проверять их исполнение. Он был недоволен диспозицией русских войск – кольцо укреплений, окружавшее город, было слишком протяженным, а плотность войск, рассредоточенных по всей его длине, – слишком мала. Мощная атака шведов на отдельном участке могла бы принести им успех раньше, чем подоспела бы помощь.

Тем не менее де Кроа поддался на уговоры царя и согласился. Петр предоставил ему полную власть над всей армией. Письменный приказ царя предписывал оттягивать сражение до подвоза дополнительных боеприпасов, продолжать осаду и не позволить шведам прорваться в город. Барон Ланген в письме к Августу саркастически отозвался о смене командования: «Я надеюсь, что теперь, когда герцог де Кроа получил полную власть, дела у нас примут другой оборот, ибо у него кончилось вино и водка. Лишенный своей стихии, он, вне всякого сомнения, удвоит усилия для того, чтобы прорваться к винным погребам коменданта». Никто в русском лагере даже отдаленно не представлял себе, что должно произойти.

* * *

Утром 20-го числа шведские колонны были сформированы у Лагены и под холодным дождем двинулись в направлении Нарвы. К десяти часам утра авангард шведской армии появился в поле зрения дозорных. Герцог де Кроа, чрезвычайно импозантно смотревшийся в красном мундире, верхом на сером коне, проводил утренний смотр, когда мушкетный огонь известил его о приближении шведов. Он подъехал к валу и увидел, как промокшие колонны неприятеля выходят из леса на гребне невысокой горы Германсберг. Де Кроа не слишком встревожился: штурм линии его земляных укреплений был делом непростым и требовавшим времени, кроме того, он по опыту знал, что подобные операции проводятся поэтапно. Когда он в подзорную трубу рассмотрел ряды приближавшихся шведов, он был поражен их малым числом и с тревогой подумал, что это, вероятно, авангард более крупных сил. Но даже если и так, он мог бы выделить часть своей армии – около 15 000 человек, – чтобы атаковать шведов и попытаться рассеять и отбросить их колонны. Но русские офицеры определенно предпочитали оставаться под защитой укреплений. Тогда де Кроа приказал водрузить знамена на вал, занять позиции и ждать.

В это время Карл и Реншильд с вершины Германсберга пристально разглядывали в подзорные трубы фортификации русской армии. Перед ними расстилалось поле боя. С двух сторон оно было ограничено широким руслом Наровы, делавшей большой изгиб в районе Нарвы. На другом берегу реки высилась Ивангородская крепость. На переднем плане располагались осадные позиции русских войск. Мост, перекинутый через реку у северной оконечности русских укреплений, был единственным путем, по которому русская армия могла получать припасы, а в крайнем случае и отступить. Защитная линия выглядела впечатляюще – сразу за рвом поднимался земляной вал, по гребню которого были вбиты бревенчатые надолбы – *chevaux de frise*. Вдоль вала были сооружены бастионы, оснащенные артиллерией. Значительное численное превосходство русской армии было очевидно. Но по всем перемещениям, наблюдавшимся в русском лагере, было ясно, что атаковать они не намерены.

Карл и Реншильд оказались в затруднительном положении – кому-то другому оно показалось бы критическим. Обычно небольшие и измотанные армии не предпринимали попыток штурмовать укрепленные позиции, защитники которых вчетверо превосходили их числом. Но шведской армии негде было укрыться – оставалось идти на штурм. Бездействовать перед лицом столь многочисленного неприятеля недопустимо, отступить тоже нельзя: по-видимому, иного выхода, кроме приступа, не было. И наконец, Карл и Реншильд отметили тот же недостаток, на который де Кроа указывал Петру: русская армия была растянута вдоль линии длиной в четыре мили. Концентрированный удар по отдельному участку вала мог бы прорвать его до того, как русские успеют перебросить достаточное подкрепление. Карл рассчитывал, что, ворвавшись в русский лагерь, его дисциплинированные шведы сумеют воспользоваться сумятицей, которая, по его предположению, неизбежно должна возникнуть. Поэтому он приказал Реншильду готовить штурм, и генерал быстро разработал план. Собранной в кулак шведской пехоте предстояло нанести главный удар. Разбившись на два отряда, пехотинцы должны были атаковать

земляной вал приблизительно в центре линии обороны. Прорвавшись за вал, один отряд повернет на север, другой на юг, расширяя таким образом участок прорыва уже за линией обороны и тесня русские части к реке сразу в двух направлениях. Шведская кавалерия останется снаружи линии укреплений, чтобы прикрывать фланги атакующей шведской пехоты, контролировать пространство и пресекать вылазки или попытки прорваться со стороны русских войск. Реншильд был назначен командовать северным (левым) крылом атакующей шведской пехоты. Правое крыло было поручено графу Отто Веллингу. Самому Карлу предстояло командовать небольшим отдельным отрядом на левом фланге. При нем находились полковник Магнус Стенбок и Арвид Горн. Как только орудия были сняты с передков и установлены, артиллерия начала обстрел центра русских позиций. Пехота в это время подтягивалась тоже к центру, а кавалерийские эскадроны рысью поскакали к флангам. Так, планомерно, без суеты, 10 000 шведов приготовились к наступлению на укрепленные позиции 40-тысячной русской армии.

Де Кроа с вала наблюдал за действиями шведов с нарастающей тревогой. Он ожидал, что, в соответствии с правилами войны, шведы начнут рыть траншеи и укреплять свой лагерь. Его беспокойство усилилось, когда он увидел, что шведские солдаты несут фашины, чтобы засыпать ров перед земляным валом. Главнокомандующий заподозрил, что, хоть это и невероятно, шведы собираются идти на приступ его позиций.

Все утро и первую половину дня шведы невозмутимо продолжали свои приготовления. К двум часам, когда все было готово, дождь прекратился, похолодало и потемневшее небо возвещало приближение бури. Как только взлетели сигнальные ракеты и армия пришла в движение, поднялась вьюга – снег мело почти горизонтально прямо на русские позиции. Кое-кто из шведских офицеров заколебался, полагая, что было бы лучше отложить штурм, пока не утихнет буря. «Нет! – вскричал Карл. – Нам пурга метет в спину, а неприятелю – в лицо».

Король был прав. Вихрь снежных хлопьев слепил глаза русским солдатам. Они открыли орудийный и мушкетный огонь, но большая часть выстрелов прошла над головами атакующих и не причинила им вреда. Быстро, бесшумно шведы устремились вперед и вдруг возникли перед русскими из-за снежной завесы. В тридцати шагах от вала шведский строй замер, солдаты вскинули мушкеты, и прозвучал залп, как траву скосивший тех из защитников, кто стоял наверху. Забросав ров фашинами, шведы хлынули на стену. Размахивая шпагами и багинетами, они вскарабкались на вал и обрушились на противника. «Со шпагами наголо мы бросились вперед и прорвались. Мы разили всех, кто приближался к нам. Резня была страшная», – писал впоследствии шведский офицер.

Поначалу русские солдаты упорно сопротивлялись: «Они ответили сильным огнем и убили многих славных бойцов». Но в проделанную брешь хлынула свежая шведская пехота. В точном соответствии с планом, шведы разделились на два отряда и начали оттеснять русских в противоположных направлениях вдоль внутренней стороны вала. Южный отряд шведских войск, навалившийся на левое крыло русской позиции, сначала столкнулся со стрельцами, которыми командовал Трубецкой. Их без труда обратили в бегство, подтвердив таким образом мнение Петра о том, что стрельцам не под силу противостоять современной армии. Развивая наступление, шведы завязали бой с частями Головина, которые, несмотря на отсутствие командира, поначалу упорно отбивались. Но шведы один за другим рассеяли несколько необстрелянных русских полков, и остальные в смятении отступили. На этом крыле, за оборонительной линией, стояла конница Шереметева. Обрушившись всей массой на атакующую шведскую пехоту, она могла бы задержать ее или даже смять. Но российская кавалерия, состоявшая в основном из дворянского ополчения и неприученных к строю казаков, ударилась в панику прежде, чем на нее напали. Завидев атакующих шведов, всадники повернули коней и сломя голову бросились в реку, думая лишь о собственном спасении. Несколько тысяч коней и около тысячи человек утонули.

Такое же положение сложилось и на северном, правом, фланге русских частей. Когда шведы ворвались в лагерь, русские солдаты пытались удержаться и сперва храбро

защищались. Но когда пали их командиры, они бросились бежать с криками: «Немцы нас предали!» По мере того как шведы продвигались на север, захватывая бастион за бастионом, число обратившихся в бегство русских солдат нарастало, как снежная лавина. К реке устремилась такая масса народу, что скоро густая толпа перепуганных пехотинцев, артиллеристов и обозных в панике запрудила единственный мост. Под их тяжестью мост вдруг страшно затрещал, просел, и сотни людей полетели в воду.

И лишь на одном участке держались русские солдаты. На северном фланге, неподалеку от рухнувшего Кампергольмского моста, не дрогнув, удерживали позиции шесть батальонов, включая преображенцев и семеновцев, под командованием Бутурлина. Наспех соорудив новое укрепление – заграждение из сотен телег и подвод, они сопротивлялись, обстреливая из мушкетов и пушек навалившихся на них шведов.

За исключением этого единственного участка, русские войска на северном крыле, так же как и на большей части южного, превратились в беспорядочную, охваченную паникой толпу. Сотни русских солдат спрыгивали наружу со стены вала, ища спасения от штыков шведской пехоты, и попадали под копыта шведской кавалерии, которая загоняла их назад. Иноземные офицеры, которые командовали русскими войсками, изумлялись и негодовали. «Они бежали как стадо, – говорил о своих солдатах саксонец Галларт. – Полки перемешались друг с другом так, что и двадцать человек с трудом можно было поставить в строй». Как только среди солдат пронесся слух об измене иноземных командиров, их невозможно было заставить повиноваться. Видя происходящее, слыша угрожающие выкрики своих подчиненных, герцог де Кроа заявил: «Пусть сам черт дерется с такими солдатами!» Вместе с Галлардом и Лангеном он поскакал в расположение шведов, где они сдались Стенбоку. В шведском плену было безопаснее, чем в окружении своих собственных вышедших из подчинения и охваченных паникой солдат. Стенбок учтиво принял перебежчиков и препроводил их к королю.

С самого начала штурма русских укреплений Карл упивался боем. Большую часть дня его видели перед валом – он рвался навстречу опасности. Пытаясь объехать место, где вповалку лежали раненые и умирающие, Карл вместе с конем провалился в ров. Его вытащили, но он потерял коня, шпагу и один ботфорт. Карл сел на другого коня, но тот был сразу же под ним убит. В короля попала пуля на излете, которую после сражения он обнаружил застрявшей в галстук. Увидев, что король остался без коня, один из кавалеристов спешил и отдал ему свою лошадь. Садясь в седло, Карл с улыбкой заметил: «Неприятель, как видно, хочет поупражнять меня в верховой езде».

С наступлением темноты король, забрызганный грязью, в одном ботфорте появился в лагере. Он понял, что, хотя де Кроа и большинство иностранных офицеров сдались в плен, об окончательной победе говорить рано. Несмотря на понесенные русскими войсками потери, на поле боя под ружьем оставалось еще 25 000 русских против всего 8000 шведов. Русские генералы – князь Долгорукий, царевич Александр Имеретинский, Автомон Головин и Иван Бутурлин – пали духом не так быстро, как де Кроа, Галлард и Ланген. Они отступили под защиту сооруженного из подвод заграждения на северной оконечности лагеря, и вокруг этого импровизированного бастиона разразилось самое яростное сражение дня. Кроме того, на левом крыле русских войск оставался корпус генерала Вейде, почти не понесший потерь, поскольку практически не участвовал в битве. Если бы части Головина нанесли неожиданный удар в северном направлении, а засевшие в кольце из подвод полки вышли им навстречу, шведы попали бы в клещи.

Понятно, что захват импровизированного бастиона русских частей был для Карла настоящей необходимостью. Он подтянул артиллерию и направил на него пушки, но, как оказалось, в этом уже не было нужды: русские наконец не выдержали. Убежденные в том, что дальнейшее сопротивление бесполезно, русские генералы направили парламентариев, чтобы обговорить условия капитуляции. Карл торжествовал, хотя и не подавал виду. Солдаты, окружившие русский лагерь, в сгущавшейся тьме не могли различить своих и чужих и, случалось, открывали огонь по своим. Капитуляция русской армии положила конец

этой неразберихе, и около восьми часов король отдал приказ прекратить огонь. Но капитуляция русских далеко не была безоговорочной. Первоначально они настаивали на том, что покинут свой редут со всеми воинскими почестями. В конце концов пришли к соглашению, что рядовым солдатам оставят их оружие и отпустят, а офицеры останутся в плену. Карлу досталась также вся артиллерия и полковые знамена.

Но даже теперь, когда в руках шведов находилась масса пленных, ситуация продолжала оставаться для них опасной. Почти все их пехотные полки были страшно вымотаны. В русском лагере солдаты обнаружили запасы водки и на пустой желудок перепились. А кроме того, Карл опасался, что при свете дня русские пленники увидят, сколь ничтожно число охраняющих их победителей. Было важно поскорее избавиться от русских солдат, незамедлительно спровадить их из лагеря. Карл приказал русским пленным без промедления браться за работу – восстанавливать рухнувший Кампергольмский мост. Сохранялась также потенциальная угроза со стороны дивизии Вейде, которая стояла твердо на южном фланге русских позиций. Один из шведских офицеров писал: «Если бы у Вейде хватило мужества пойти в атаку, он, несомненно, разбил бы нас, поскольку мы смертельно устала, почти ничего не ели и не спали несколько ночей. К тому же все наши люди так перепились найденной в русских палатках водкой, что немногочисленные офицеры не в состоянии были поддерживать порядок». Но угроза, исходившая от Вейде, быстро испарилась. Хотя его части не понесли больших потерь, сам он был ранен. Когда он узнал о капитуляции, у него не хватило решимости продолжать сопротивление в одиночку. На рассвете Вейде увидел, что окружен шведской кавалерией, и сдался. Наутро последние разрозненные русские отряды сдались шведам.

* * *

К рассвету разрушенный мост был восстановлен, и русские солдаты начали переправляться на другой берег. У моста стоял Карл и смотрел, как неприятельские солдаты, обнажив головы и сложив знамена у его ног, нескончаемым потоком потянулись на восток, в Россию. Когда шведы провели перекличку, выяснилось, что они потеряли убитыми 31 офицера и 646 солдат, а 1205 человек было ранено. Потери с другой стороны даже сами русские могли оценить лишь приблизительно. Убито и ранено было не менее 8000 человек, и наступившие холода оставляли раненым немного шансов добраться до дома. В плен попало 10 русских генералов, включая герцога де Кроа, 10 полковников и 33 старших офицера, вместе с личным лекарем Петра доктором Карбонари и Петром Лефортом, племянником покойного царского фаворита. Пленные на зиму были отправлены в Ревель, а по весне, когда Балтика очистилась ото льда, их перевели в Швецию. Многим суждено было провести там долгие годы²³.

Главным шведским трофеем была русская артиллерия: 145 пушек, 32 мортиры, 4 гаубицы, 10 000 пушечных ядер и 397 баррелей пороха. Армия Петра лишилась излюбленного им оружия. Нескончаемый поток побежденных русских, множество пленных, трофеи – все это навело Магнуса Стенбока на мысль о том, что «все свершилось по воле

²³ Примечательно сложилась судьба герцога де Кроа. После капитуляции ему разрешили остаться в Ревеле, и оттуда он написал царю с просьбой возместить его расходы. Петр безотлагательно выслал ему 6000 рублей. Весной 1702 г. де Кроа умер, что опечалило русского царя. «Сердечно жаль мне доброго старика, – сказал Петр, когда узнал об этом. – Поистине умный и опытный был полководец. Вверив ему команду двумя неделями раньше, я бы не потерпел поражения под Нарвой».

После смерти герцога выяснилось, что он оставил долги. Петр узнал об этом и хотел оплатить их, но так и не собрался. Тем временем кредиторы де Кроа в Ревеле раскопали старинный закон, в соответствии с которым умерший, оставивший неоплаченный долг, не мог быть погребен. Тело поместили в церковный склеп, в сухом воздухе которого оно не поддавалось тлению и мумифицировалось. Впоследствии тело извлекли и выставили на обозрение под стеклом. Почти двести лет всем приезжим Ревель показывали герцога, лежавшего в парике и мундире. Лишь за несколько лет до революции правительство Российской империи сочло это зрелище неподобающим и тело герцога было наконец предано земле.

Божией, но если можно увидеть в этом человеческую заслугу, то она состояла в твердой, непоколебимой решимости Его Величества и в безукоризненных диспозициях генерала Реншильда».

* * *

Известие о битве под Нарвой произвело в Европе сенсацию. Слухи о блистательной победе и славословия молодому шведскому монарху быстро докатились до Запада. Кое-кто был весьма доволен унижением Петра, ехидно смеялся над царем, который дал деру перед сражением. Немало позабавила публику и отчеканенная Карлом медаль с изображением спасающегося бегством Петра. Лейбниц, который до того проявлял интерес к России, стал теперь симпатизировать Швеции и высказал пожелание, чтобы ее «молодой король воцарился от Москвы до Амура».

Хотя в успешном завершении кампании, несомненно, сыграли свою роль «безукоризненные диспозиции» и своевременные распоряжения Реншильда, победа под Нарвой могла бы не состояться, если бы не «твердая, непоколебимая решимость» короля. Естественно, что Карл, которого повсюду прославляли, охотно уверовал в собственную непобедимость. Победа переполняла, опьяняла его. Проезжая по полю боя с Акселем Спарре, он, как мальчишка, не мог сдерживать своего ликования: «Нет никакого удовольствия биться с русскими, – говорил он с пренебрежением. – Они не сопротивляются, как другие, а сразу бегут. Если бы Нарва была покрыта льдом, нам едва бы удалось убить хотя бы одного человека. Забавно было наблюдать, как русские взбежали на мост, а он под ними подломился и они потонули, точно египтяне в Чермном море. Повсюду высывались из воды головы людские и конские, руки и ноги; наши солдаты стреляли их, как диких уток».

С этого момента война стала главным содержанием жизни Карла. И можно сказать, что Нарва – первая большая победа шведского короля – предопределила его судьбу. Легкая победа заставила Карла поверить в то, что он одолеет любого противника. Нарва, вслед за успешной Зеландской операцией, положила начало легенде, будто бы даже с горсткой людей он способен обращать в бегство целые армии, – легенде о Карле XII, в которую он сам поверил. Нарва также породила в нем опасное пренебрежение к Петру и к России. Легкость, с которой он разгромил армию Петра, убедила его в том, что русские – никудышные солдаты и не заслуживают внимания. Пройдут годы, и в пыльной украинской степи король Швеции дорого заплатит за свое ликование на заснеженном поле под Нарвой.